

И. В. Сапарбаева, Г. Л. Терехова

ЭЙДОС И ЕДИНОЕ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА: ПОЗИЦИЯ А. Ф. ЛОСЕВА

Статья посвящена исследованию интерпретаций А. Ф. Лосевым взаимоотношений Единого и эйдоса в философии Платона. Авторы обращаются к важнейшим категориям платоновской философии и детально анализируют то, как Лосев трактует эти категории в процессе творческого развития собственной философской позиции. Отношение Лосева к наследию Платона рассмотрено с точки зрения взаимодействия языческой и православной культур. Понимание Лосевым диалектики единого и иного, трактовка эйдоса/идеи как разделяющей эти противоположности единичности квалифицируется авторами как оригинальная версия православной философии. В статье подчеркивается значение Лосева не только как историка античной философии, но и как наследника и продолжателя святоотеческой интеллектуальной традиции. Библиогр. 13 назв.

Ключевые слова: А. Ф. Лосев, Платон, эйдос, Единое, диалектика одного и иного, символ, православный платонизм.

I. V. Saparbayeva, G. L. Terekhova

THE EIDOS AND THE ONE AS FUNDAMENTAL CATEGORIES IN PLATO: LOSEV'S POSITION

The article is devoted to A. F. Losev's interpretations of the relationship of the One and eidos in the philosophy of Plato. The authors emphasize Plato's two important categories and analyze in detail how A. F. Losev treated them in the process of creative development of his own philosophical position. Losev's attitude to Plato's heritage is considered from the perspective of the interaction between the pagan and the Orthodox cultures. Losev's understanding of dialectics of the One and the other, his interpretation of eidos/idea as separating these opposites singularity are classified by the authors as the original version of the orthodox philosophy. They point out the relevance of studying Losev not only as the historian of ancient philosophy but also as the successor of the intellectual tradition of the Holy fathers. Refs 13.

Keywords: Losev, Plato, eidos, the One, dialectics of the One and the other, symbol, Orthodox Platonism.

Несмотря на существование различных интерпретаций философии Платона, в корне отличающихся друг от друга, мировое значение мыслителя огромно. На это указывали ученые разных эпох и культур. Британский математик и философ Альфред Уайтхед замечает, что вся западная философия есть примечание к Платону, а Эгил Виллер «понимает новую западную философию как примечание к “Пармениду” Платона» (цит. по: [1, с. 251]). Совершенно особой фигурой оказался этот философ для России. По мнению многих исследователей, Платон стал символом выражения русской духовной идеи, проводником в мире философии и осмысления бытия (В. Россман) [2]. Подобный взгляд на философию Платона особенно актуален для России в наше время, когда ощущается необходимость и важность восстановления исконных православных традиций в противовес множющимся негативным следствиям глобализации.

Сапарбаева Ирина Викторовна — соискатель, Тамбовский государственный технический университет, Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 106; ei-rene@ya.ru

Терехова Грета Леоновна — доцент, Тамбовский государственный технический университет, Российская Федерация, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 106; radagl1960@yandex.ru

Saparbaeva Irina V. — post graduate student, Tambov State Technical University, 106, ul. Sovetskaya, Tambov, 392000, Russian Federation; ei-rene@ya.ru

Terekhova Greta L. — Associate Professor, Tambov State Technical University, 106, ul. Sovetskaya, Tambov, 392000, Russian Federation; radagl1960@yandex.ru

С точки зрения М. В. Медоварова, обращение к философии Платона может способствовать прозрению и пониманию аномальности всего современного мира. Автор считает, что «стремительно распространяющееся сейчас мировоззрение соответствует именно последней гипотезе “Парменида”, гипотезе, которую в более здоровые эпохи никто всерьёз и не рассматривал» [3]. В этой «последней гипотезе» утверждается, что если единого не существует, то нет и иного. Подобная точка зрения ведет ко многим негативным последствиям как в культуре в целом, так и в философии. Основным из этих последствий можно назвать обнищание духа. Примером является современный постмодернизм, который всё больше погружается в хаотичное пространство случайностей, где реальность превращается в модель, а различие между моделью и реальностью стирается. Все превращается в симулякр, становится имитацией несуществующего, и сама реальность оказывается сомнительной. Платонизм служит понятийным базисом для многих философских концепций, разделенных временем и пространством. Его понятия являются терминологической основой и для православной философии, а значит, и для нашей уникальной исконно русской культуры, которая всегда являлась целостным культурно-историческим феноменом.

Лосев предчувствовал эпоху постмодернизма, он интуитивно ощущал нарастающую трагичность в философии истории, а значит, и в реальной жизни. Любовь Лосева к античности обусловлена его вероисповеданием, интересом ученого и тонко чувствующего человека. Он ясно понимал, что человечество двадцатого века находится в состоянии кризиса науки, мысли и жизни. По его мнению, «языческой является вся классическая новоевропейская философия, отличающаяся претензиями субъекта на полный контроль над объектами природы и беспечного его существования в истории» [4, с. 362]. Мудрость античности — это совершенно уникальное явление, данное в максимальной полноте мысли древним мыслителям, данное как дар, основная ценность которого заключается в способности к целостному схватыванию картины изучаемого мира. К этой же целостности стремился и Лосев. Поэтому все его антиковедческие философские искания направлены лишь к одному — к поиску сути бытия, к обретению потерянного для многих единства мира и вещей мира, разрушенного позитивизмом и атеизмом. Для Лосева целостное восприятие мира было возможно только через единство веры и знания. Поэтому целью его исследований становится переосмысление и раскрытие смысла древних античных знаний, являющихся прекрасным материалом для глубоких философских раздумий.

Безусловным апогеем всей философской мысли Платона является, по мнению Лосева, диалог «Парменид», и в первую очередь, конечно, мысли о Первоедином, идее и вещи (ведь благодаря Платону в философию входит и проблема вещи). Именно в этом диалоге сформулированы позиции, которые являются «ключом» к постижению философии вообще, своего рода метафизическим пределом для ума. Тщательно проанализировав диалектику восьми гипотез о взаимосвязи Единого (одного) и иного (многого), Лосев приходит к выводу, что все они представляют многовариантное тождество бытия и небытия, заложенное в самом эйдосе. Одно (Единое) содержит в себе принцип такого разделения, принцип же воплощается эйдосом, который является фундаментальным идеальным дополнением к досократической картине мира. Античный мыслитель буквально придал материи досократиков смысл — даровал материальному началу идею (*idéa*), а нематериальному —

эйдос (εἶδος)¹. Конечно, Платон здесь по-прежнему выражает античное мироощущение, где космос — это всё то же натурфилософское живое целостное дышащее тело, в котором наконец было обнаружено и структурно оформлено идеальное начало. Эйдос — это то самое логическое смысловое наполнение, та многогранная категория, которую Лосев в произведении «Античный космос и современная наука» назвал основой диалектики, рассматривая последнюю в качестве категориальной определенности эйдоса.

В «Очерках античного символизма и мифологии» Лосев замечает, что «из неведомого центра этого эйдоса бьет непрестанно ключ инобытия, иного» [5, с. 545]. Так эйдос становится живой антитезой абсолютно Единому, а значит, самоотделяется от него в своей единичности и самотождественности. Тем самым абсолютно целое разрывается, погружаясь в гераклитову диалектическую борьбу противоположностей. Эйдос становится своеобразным самостоятельным тождеством утверждения и отрицания, а вещь обретает сверх-сущий смысл, имя и самоупорядочивается им благодаря энергии Единого как основы для эйдоса. Об этом Лосев пишет в «Истории античной эстетики», утверждая, что Платон ввел свое Единое для того, чтобы сохранить эйдосы в целостности, а общий принцип существования всех эйдосов назвал идеей Блага (тот же эйдос). По мнению Лосева, мы вообще не могли бы говорить об эйдосе, не будь у нас чего-то целостного — Единого или одного: «Вот этот высший принцип, в котором все существующее, и идеальное и материальное, сконцентрировано как бы в одной точке, и есть то сверхсущее одно, о котором Платон говорит в самом начале (I Aa). Без этого идея не могла бы стать порождающей моделью и объективный идеализм Платона не получил бы своего онтолого-диалектического завершения» [6, с. 608].

Так, в видении Лосева складывается онтологическая картина того, как Единое, будучи высшей категорией сверх-бытийного ничто, порождает посредством эйдоса мир иного, мир разнообразия. Эйдос есть связующее звено между существующим Единым и несуществующим многим, диалектически перетекающим в несуществующее Единое и существующее многое, а также существование или отрицание их обоих. Он всегда дифференциален: «Эйдос участвует в разделительном суждении — “или-или”» и «означает переход к иному» [5, с. 268]. Позднее неоплатоники создадут нисходящую иерархию становления сущего из сверх-бытийного апофатического Единого, пока же у Платона есть лишь цельная картина диалектических связей между различными вариантами существования и несуществования одного и иного, дополненная эйдосами. Существующий предмет не определен, если он не отличается от иного. Значит, заключает исследователь о. Г. Мусохранов в своей статье «Софилогия и имяславие в творчестве А. Ф. Лосева» [7], необходима некая единичность, способная «разделить» одно и иное в своей пластичной антиномии, сделать возможным переход от Единого к иному. Этой единичностью и выступает эйдос.

Как мы уже отмечали, религиозный контекст лосевских работ накладывает своеобразный отпечаток на все его философские поиски. А. А. Тахо-Годи неустанно повторяла, что за словом «Единое» у Лосева скрывается Бог. Из православно понимаемого платонизма и прорастает лосевский эйдос как форма-символ-лик вещи

---

¹ Лосев различает понятия идеи и эйдоса: «Эйдос наглядно значит, идея наглядно выражает». Или, говоря иначе, связка эйдос-идея есть «умственно-осязаемый вид» соответственно.

(но не сама вещь, мысль или субстанция) и как сосуд божественных энергий и имя, о которых он писал в рамках своих уже личных философско-богословских работ так называемого «раннего периода». В работе «Античный космос и современная наука» Лосев пишет, что для него имя и идея отождествлены, причем идея есть в первую очередь символ сущности, ее смысла и ее энергия, где логическое и алогическое сливаются. Эта точка зрения хорошо описана С. А. Нижниковым, который отмечает, что «платоновская онтогносеологическая ономотология логически вытекает из теории идей как сущности вещей: идеи воспроизводятся в человеческом сознании благодаря процессу именованию, то есть интерпретирующей функции имени» [8, с. 130].

Обращение Лосева к символическому прочтению онтологии античности, безусловно, произошло под влиянием философии Серебряного века и таких учителей, как Вяч. Иванов, о. П. Флоренский, Вл. Соловьев. Стоит отметить здесь и прямую связь лосевской интерпретации символизма в эйдологии Платона с именем основателя исихазма св. Григория Паламы. Отзвук паламизма слышен в термине «энергичный символизм». У Лосева православно понимаемый символ — это носитель энергии сущности, явленной именем, и именно ее он усматривает в эйдосе Платона. А вот что пишет Лосев о Павле Флоренском, выделяя его на фоне многочисленных исследователей Платона: «Символически-магическая природа мифа — вот подлинно новое, почти небывалое, что Флоренский вносит в мировую сокровищницу различных историко-философских учений, старающихся проникнуть в тайны платонизма» [5, с. 693]. Именно этой позиции будет придерживаться в своих исследованиях сам Лосев, хотя позднее и отойдет от абсолютной слитности собственных идей с идеями о. Павла. «Миф есть эйдос, интеллигентно соотнесенный с самим собою и осуществленный в виде вещи», «миф есть развернутое имя», — пишет Лосев [5, с. 489]. В эйдосе как символе встречаются два плана бытия, и здесь совершается имманентный переход одного понятия в другое, снимающий первоначальное противоречие.

Лосев всегда подчеркивал, что русская философия мистична, душевна и чувственна, ей чужды категории и системы, она вырывается из них навстречу чему-то большему. Душа рвется к познанию таинства абсолютной целостности, через смысл и имена вещей она хочет дойти до того, что Николай Кузанский называет абсолютным максимумом или абсолютным минимумом, «священным незнанием». Она стремится добраться до того единого и единственного неделимого космоса, от которого, по словам Гераклита, отвращаются ослепшие в своем неразумии люди². Однако космос греков нерушим; в нем царит абсолютный порядок Логоса, он движет всем, он есть Судьба всего дышащего мира. Лосев же как верующий русский мыслитель говорит, что нерушима Тайна, которую созидает Божий мир, мир православного откровения. И если «Платон уже дошел до той диалектики, по которой бесконечно сильный свет равен бесконечно сильной тьме» [1, с. 242], то осознает этот апофатический аспект бытия лишь христианский мир. И именно здесь тайна бытия окончательно откроется во всей своей абсолютной полноте. Не определенной полноте, но той, что являет собой необъяснимое и невыразимое. Именно здесь лежит пропасть между миром язычества и миром христианства.

---

² «Ибо все человеческие законы зависят от одного, божественного: он простирает свою власть так далеко, как только пожелает, и всему довлеет, и [все] превосходит. Поэтому должно следовать общему, но хотя разум (логос) — общ, большинство [людей] живет так, как если бы у них был особенный рассудок» [9, с. 568–569].

Проблема соотношения языческой философии и православного откровения (христианства) всегда стояла довольно остро, ведь платонические интенции тесно вплелись в христианскую мысль. По этой причине и к наследию Лосева относились двояко. В. П. Троицкий писал, что Лосев стал убежденным неоплатоником и до конца жизни «ориентированно отстаивал тот факт, что неоплатонизм — никакой не упадок, а вершина античной философской мысли» [10, с. 7]. По мнению Е. С. Петриковской, мы отчетливо видим в воззрениях мыслителя «идейное противоборство Лосева-философа и Лосева-христианина» [11, с. 87]. Большинство же критиков сходится во мнении о всецело христианском миропонимании А. Лосева.

Действительно, если Лосев в юности и был поглощен Платоном, что явствует из его ранних работ и неоднократно отмечалось в исследовательской литературе, то позднее, в «Очерках», он судья, «выпытавший у подсудимого признание в язычестве» [12, с. 30]. И это напрямую связано с осознанным выбором пути православной веры и православного мировоззрения в духе отцов-исихастов. Если В. Ф. Эрн и П. Флоренский оправдывают Платона или закрывают глаза на его языческие воззрения, то Лосев постоянно повторяет, что Платон язычник и ему анафема. По словам В. В. Бибикина, Лосев был последователем не только платонизма. Его замыслы изначально были обширнее как с содержательной, так и с методологической сторон. Об этом и сам Лосев писал своей жене, Валентине Михайловне: «В религии я всегда был апологетом ума, и в мистически-духовном и в научно-рациональном смысле, в богословии — максимальный интерес я имел всегда почти исключительно к ДОГМАТИКЕ, как той области, которая для богословствующего христианина есть нечто и максимально разработанное в Церкви, и максимально достоверное» [13, с. 397–398]. Для Лосева мысль и система мысли никогда не были пределом: в мире есть неизъяснимая Тайна, которую если и можно назвать Благом, то лишь условно-словесно, и умом можно прийти лишь к самому пути, но никак не к конечной точке.

В своем философствовании Лосев пристрастен и холоден одновременно. Он пристрастен в своем утверждении бытия Бога, в процессе исследования древнегреческих текстов. Однако он не подходит к Платону только с точки зрения подтверждения своих ранее заявленных религиозных взглядов, но исследует его скрупулезно и тщательно. Лосев хочет показать лишь то, что Платон уникален, — уникален настолько, насколько чисты его тексты, свободные от трактовок и притянутых «за уши» фактов. Лосев шаг за шагом исследует здание мысли Платона, открывающееся для него в новом свете, и видит, насколько оно не похоже ни на что виденное им ранее. Это здание многократно пытались заселить, но оно по-прежнему оставалось исконно платоновским античным построением.

Исследование Лосевым платоновской концепции эйдосов ценно не только тем, что автор рассматривает содержание всех диалогов в их духовной связи. Его исследование с полным правом можно назвать также лингвистическим и герменевтическим. Неверный перевод с древнегреческого языка одного единственного слова или выражения может породить множество трактовок, поэтому Лосев скрупулезно анализирует словоупотребление, воссоздавая стилистику платоновского текста, прежде чем перейти к следующему этапу — анализу его внутреннего содержания.

Лосевым была проделана огромная работа по созданию философии православия: он старался наполнить ее диалектикой и логикой, не лишая религиозно-мистической составляющей, и даровать ей отнятую рационалистической наукой целост-

ную картину мира и каждой вещи. Для Лосева философия всегда была одной из составляющих религиозного пути, а платонизм — единственной философией православия, имяславие же — его практикой. Алексей Федорович считал, что правильное постижение философии Платона в духе учения восточной церкви есть важная ступень в переходе человека на религиозный путь. Конечно, Платон, по его мнению, только готовит к восприятию христианской истины. В то же время без этой образцовой идеалистической системы вся философская, догматическая сторона православия не была бы понята и принята языческим миром.

Движение к постижению истины для Лосева осуществляется как посредством «умного делания» (молитвы), так и посредством умственных усилий. В этом подходе как раз и кроется разрыв Лосева с романтизмом. Лосев требует сосредоточения ума и бесконечной кропотливой напряженной работы мысли и сердца, направленной на постижение Блага. Философия с ее разработанным понятийным аппаратом должна привести не только к пониманию связи тварного и нетварного, смыслов вещей (эйдосов), связанных каким-то таинственно-общим знаменателем — Единым, но и к осознанию важности практического «делания», к молитве, ведущей к Абсолютной Личности. Лосев заимствует эйдос Платона, эту необыкновенную категорию, дарующую смысл всем вещам этого мира, связующую иное и Единое, и превращает его в символ. А если есть символ, считает философ, то есть и имя, ибо символ есть проявленное выражение сущности вещи. А когда есть имя, всякая вещь является «сосудом божественных энергий», что, в свою очередь, наполняет смыслом все вокруг.

Таким образом, исследуя Единое и эйдос у Платона, Лосев выделяет главное в платоновской мысли — поиск истинного бытия, получившего свое оформление в понятии вечного и неизменного Единства. Платоновское Единое, которое служит объектом отрицательной (апофатической) теологии, мыслитель сводит к проблеме взаимодействия одного и иного, идеи и вещи. Отмечая языческое мироощущение античного философа, Лосев указывает на то, что космос Платона — это по-прежнему безжизненная статуя, а идеи — это всё те же языческие боги. Несомненной заслугой Платона, на взгляд мыслителя, является постановка проблемы символа, трансцендентного и апофатического первоначала в виде Единого, а также проблемы взаимодействия одного и иного посредством эйдоса. Вся лосевская интерпретация эйдологии Платона строится на неразрывности эйдоса/идеи и вещи. Его обращение к диалектике как к способу философствования позволяет выявить живую, движимую сущность вещи, названную им категориальным эйдосом. Последний есть идеально-вещная данность, порывающая с метафизическим дуализмом и провозглашающая собственную устойчивость и пластичность. Единое Платона для Лосева есть монотеистическая интуиция языческого мира.

В наше время смена традиционной религиозной парадигмы на антропоцентристскую и позитивистскую парадигму изменила отношение и к философской мысли. На первый план выступили борьба позитивизма с метафизикой, его опора на эмпирические факты, субъективный характер восприятия мира, интерес к социальному знанию. Это очень больно ударило по религиозной и философской культуре, которые всегда отстаивали идею целостности, в то время как позитивизм увел нас от поисков знания, Имени, Логоса, в конечном счете умалил значение античной культуры и философии. В связи с этим Лосев в «Диалектике мифа» развернул сокрушительную критику современного мира, тенденций развития его мыслительного про-

странства. Русский мыслитель отстаивал вечные ценности, основанием которых является целостность мира, явленная в Слове. И сам он жил и трудился в этом живом мире целостности — величайший, до сих пор не до конца понятый и не оцененный по заслугам русский философ Алексей Фёдорович Лосев, в монашестве Андроник.

Литература

1. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М.: Искусство, 1974. 600 с.
2. Россман В. И. Платон как зеркало Русской Идеи // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 38–50.
3. Медоваров М. В. «Парменид» Платона у неоплатоников и А. Ф. Лосева // ПЛАТОНОПОЛИС: [сайт]. URL: <http://www.platonizm.ru/content/medovarov-m-parmenid-platona-v-interpretaciyah-neoplatonikov-i-af-loseva> (дата обращения: 20.01.2014).
4. Петриковская Е. С. Греческий логос глазами А. Ф. Лосева (к 110-летию со дня рождения философа) // Доґа / ДОКСА. 2003. Вип. 4: Грецький спадок і сучасність. С. 359–371.
5. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 962 с.
6. Платон. Соч.: в 4 т. Т. 2 / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. 626 с.
7. О. Григорий (Мусохранов). Софиология и имяславие в творчестве Лосева // Свято-Троицкий приход Волгоградской епархии Русской православной церкви: [сайт]. URL: <http://svyato-troitskiy.ru/pastor/articles/220> (дата обращения: 20.01.2014).
8. Нижников С. А. Метафизика веры в русской философии: монография. М.: ИНФРА-М, 2012. 313 с.
9. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / издание подготовил А. В. Лебедев; отв. ред. И. Д. Рожанский. М.: Наука, 1989. 576 с.
10. Троицкий В. П. Virtuоз мысли // Начала. 1993. № 2. С. 4–7.
11. Петриковская Е. С. А. Ф. Лосев и проблемы философского обоснования православной духовности // Наука і релігія: проблеми діалогу. Одесса: АО БАХВА, 2002. С. 77–90.
12. Зиневич О. В. Эволюция христианского отношения к Платоновскому Эросу в ранних работах А. Ф. Лосева // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 1. С. 29–31.
13. Лосев А. Ф. Жизнь: Повести. Рассказы. Письма. СПб.: Комплект, 1993. 540 с.

Статья поступила в редакцию 3 февраля 2014 г.